

ДИСКУССИЯ М. П. ПОГОДИНА И С. А. ГЕДЕОНОВА ПО ВАРЯГО-РУССКОМУ ВОПРОСУ

С. В. Пашков

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 26 марта 2015 г.

Аннотация: в историографии варяго-русского вопроса одной из малоизученных является дискуссия историка-норманиста XIX в. М. П. Погодина с антинорманистом С. А. Гедеоновым. Эта полемика является одним из ярких примеров уступок норманизма (в данном случае в лице М. П. Погодина) под воздействием антинорманской критики. В статье прослеживается, какие именно утверждения и аргументы норманской теории М. П. Погодин признавал опровергнутыми, по каким аспектам он изменял свои воззрения.

Ключевые слова: М. П. Погодин, С. А. Гедеонов, варяго-русский вопрос, норманизм, антинорманизм.

Abstract: the dispute of historian-normanist XIX century M. P. Pogodin with antinormanist S. A. Gedeonov is one of the little-known in the historiography of varyagian-russian question. This discussion is one of the brightest examples of concessions of normanism (in this case, in the face of M. P. Pogodin) under the influence of antinormanism criticism. In the article it is discussed what assertions and arguments of norman theory M. P. Pogodin recognized refuted, about what aspects of it he changed his mind.

Key words: M. P. Pogodin, S. A. Gedeonov, varyago-russian question, normanism, antinormanism.

В 1862–1863 гг. в приложении к Запискам Академии наук были опубликованы «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» антинорманиста С. А. Гедеонова (1816–1878). Их появление М. П. Погодин (1800–1875) в 1864 г. встретил следующими словами: «Еще новое обширное исследование о предмете, о котором, казалось, истощены были все pro и contra. Труд Гедеонова имеет полное право на внимание ученого мира. И вот, я должен еще спорить о норманнах. Видно на роду мне написано толковать пред “могилкою” о том же, о чем толковал близ “колыбельки”» [1, с. 377–378].

И в том же году историк издал свой разбор этого труда под названием «Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси». Автор, прежде всего, подчеркнул значение исследования: «Должно сознаться, что норманская система со времен Эверса не имела такого сильного и опасного противника, как г. Гедеонов. <...> Приятно следить за его экскурсиями, подмечать его уклонения, ловить с полчиным, припирять к стене; приятно даже уступать ему, потому что он действительно ослабляет силу некоторых наших доказательств, исправляет несколько данных, указывает пропуски, представляет дельные замечания и дополнения».

Погодин сразу признал силу основной идеи работы оппонента: «Мы искали и указывали на норманство между нашими славянами; г. Гедеонов находит славянство в норманнах. Читая внимательно его исследования, не соглашаясь со многими утвержде-

ниями, чувствуешь, однако ж, невольно присутствие славянского участия, короткое знакомство и тесную связь между племенами славянскими и готскими по близкому их соседству между собой». Ученый прямо признал влияние труда Степана Александровича на изменение его концепции и сделал вывод компромиссного характера: «А пока я стою еще твердо на своем: уступаю г. Гедеонову кое-что из прежних норманских доказательств, беру кое-что даже у него в подтверждение своего мнения и заключаю: варяги-русь было норманское племя, смешанное или коротко знакомое в IX веке со славянами...» [2, с. 1–2].

Михаил Петрович согласился с оппонентом в несостоятельности одного из основных положений норманской теории – «что посредством финского названия для Швеции руотси и шведского Рослагена, объяснять имени Русь нельзя, нельзя и доказывать ими скандинавского ее происхождения». Гедеонов «судит очень основательно, доводы его убедительны и по большей части с ним не соглашаться нельзя», «Ruotsi, Rodsin есть случайное созвучие с русью». Вместе с тем Погодин оговорился, что «напрасно придает автор великую важность ослаблению этого доказательства норманского происхождения руси» [2, с. 6]. Несправедливыми посчитал ученый рассуждения автора о попытках самого Михаила Петровича еще в 1846 г. спасти силу данного аргумента: «Начала г. Погодин просто предполагал существование в IX веке шведского племени россос, будто бы давших свое название Рослагену, но вследствие замечаний о Рослагене и о Rodhsin (гребцах) барона Розенкампа,

принял, что нарицательное Rodhsin перешло со временем в собственное или племенное. <...> Отсюда... стали финны и эсты звать всех шведов россами, Ruotsi, Ruossi. Славяне, узнав это имя от финских народов, усвоили его себе под формою русь, которой и прозвались по призванию варягов-руси, шведских родсов» [3, с. 4].

Эти построения Степан Александрович, по признанию Погодина, убедительно опроверг. Однако Михаил Петрович, возражая, указал, что высказывал эти мысли в порядке предположений: «Нет, нет и нет! Я не утверждал ничего положительно, решительно, а говорил в высшей степени условно и, излагая разные мнения о Рослагене, Рюсаланде, Росенгау, Рустрингии, указывал на вероятности каждого из них... Для ясности я изложу здесь вкратце, что я думал и думаю. Варяги-русь – племя норманское. Имя руси принадлежало этому племени. Откуда происходит имя руси – открытое поле для догадок. Где жила первоначально русь? Открытое поле для догадок. (Точно такое же открытое поле для догадок о происхождении имени варягов)» [2, с. 6–7].

Особое внимание Гедеонов уделил объяснению применения термина «русь» при обозначении норманнов в иностранных источниках. Он заметил, что «Норманны действительно являются в иных известных случаях под именем руси; но у писателей тех только народов или имевших дело с теми только народами, к которым они приходили через Русь или вместе с Русью. <...> У себя дома и у тех летописцев, которые знали их не по арабским или по византийским известиям, Норманны никогда не именуется Русью. Ясно, что этим наименованием они обязаны своим отношением к славянской Руси» [3, с. 84].

С этой точки зрения ученый объяснял следующее арабское свидетельство историка IX в. ал-Йа'куби (в XIX в. в науке его называли Ахмед-эль-Катиб), используемое норманистами в качестве аргумента в пользу своей концепции: «Египетский уроженец Ахмед-эль-Катиб, писавший свою книгу земель в 889–891 году, говорит: “на запад от города, именуемого Elg'esira (Algesiras) есть город, именуемый Ischibilija (Sevilla), лежащий на большой реке, которая есть река Кордобы. В этот город ворвались в 229 году (844 по Р.Х.) неверные (Mag'us), именуемые русью (el-Rus) и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли”». Из свидетельства «христианских и арабских историков» выясняется, что «эти неверные, грабившие Севилью в 844 году, были никто иные как скандинавы, норманны». Однако другие «арабские летописцы, повествующие о нашествии 844 года, без сомнения по современным источникам, знают не русь, а одних только Mag'us». Гедеонов полагал, что автор указанного известия «на западе или по известиям с запада... узнал, что Mag'us... разорили Севилью в

844 году; на востоке, что эти Mag'us приходят для торговли в Итиль и Болгар, и слывут у его единоверцев под общим именем русь». В итоге «Ахмед-эль-Катиб соединяет в одно, полученные им из двух разных источников, сведения, и разорителей Севильи называет “неверными, которых именуют русью...”» [3, с. 90–93].

С этой же позиции опровергал Гедеонов и другой аргумент норманистов – сообщение кремонского епископа Лиутпранда (X в.), где русь отнесена к норманнам. Этим известием «он обязан своему отчиму, бывшему в Константинополе послом... и очевидцем поражения игоревой руси». Его отчим «присутствовал при казни русских пленников в Царьграде», где «мог узнать и норманнов в числе привезенных в Константинополь пиратов, но вместе с тем узнавал для них и общее греческое наименование рос». По какой причине «они так назывались у греков, он не разведывал, а сообщил своему зятю простое (и отчасти справедливое) известие, что морские разбойники, слывущие на западе под именем норманнов, называются у греков рос» [3, с. 99–101].

Погодин не стал опровергать эти соображения оппонента, а лишь ограничился повтором своей интерпретации рассматриваемых сведений: «Свидетельства Ахмед-эль-Катиба о нападении руси=норманнов на Севиллу в 844 году, и свидетельства Лиутпранда о тождестве руси с норманнами г. Гедеонов никак отвергнуть не может (точно как выше Несторово свидетельство) – но старается ослабить силу их своим ученым толкованием их происхождения. <...> Для меня очень просто и ясно: было племя норманское русь, которое в 838 году посылало послов в Царьград (бертинские летописи), в 844 году нападало на Севилью (Ахмед-эль-Катиб), в 862 году призвано словенцами в Новгород (Нестор)» [2, с. 29–30].

Однако в интерпретации сведений арабского автора X в. Ибн Фадлана Погодин уступил оппоненту. Гедеонов утверждал, что «русь Ибн Фадлана очевидно генетическая славянская русь». В частности, он указал, что «у славян добровольная смерть и сожжение жены вместе с мужем, а за неимением жены одной из его наложниц исторически засвидетельствованный религиозный обряд» [3, с. 85–88]. Погодин согласился, что «сравнение Ибн Фадлановых известий с славянскими обрядами ослабляет несколько доказательную их силу в пользу норманства, но отнюдь не доказывает исключительного славянства». И все же «можно сказать, что автор нейтрализовал это норманское подкрепление» [2, с. 29–30].

Гедеонов выступил с опровержением происхождения названия «варяг» от скандинавского корня: «История, выводы лингвистические, соображения здравого смысла убеждают нас в том, что варяжское имя родилось не у норманнов, что скандинавское

vaering возникло по учреждении варангского корпуса в конце X-го века, что до этой эпохи и вне Греции норманны себя верингами (vaeringiar) не называли. Нигде и никем не сказано, чтобы это название употреблялось ими и по возвращении на север» [4, с. 140–143].

Погодин изложил кратко разбираемую теорию: «...норманны получили первоначально имя варангов в Константинополе, в наследство от федератов – waeringiar... и под этим именем проезжали чрез славянские страны домой и из дому. Наши славяне перенесли это имя на всех их соотечественников». Гедеонов же «отвергает, во-первых, тождественную связь между федератами, исчезающими в конце IX столетия, и варангами, встречающимися не прежде 1034 г., waeringiar в 1040 г.».

Погодин в этом вопросе уступил оппоненту: «Но отвергнем, пожалуй, связь федератов с верингами, примем, что позднейшие федераты не походили на первых, положим, что в X веке византийская история не знает наемных войск из германских народностей. Согласимся, что вторая часть вышеизложенного мнения очень натянута. Автор удачно представляет ее слабые стороны: мудрено, точно, полагать, чтоб славяне могли распространять имя проезжих путешественников, очень малочисленных, на все народонаселение берегов Балтийского моря» [2, с. 35–37].

Уступив в этом вопросе оппоненту, историк, однако, считал возможным употреблять опровергнутый Гедеоновым аргумент в пользу норманизма: «Происхождение имени варягов, так же как и руси, имело всегда и имеет теперь в глазах моих важность второстепенную. Мнений может быть множество, мнения могут сменять одно другое, но ими сущность дела, тождество варангов, верингов и варягов, впрочем, не изменяется. Как бы то ни было, греческие варанги – норманны. Северные веринги – норманны. Несторовы варяги – норманны» [2, с. 37–40].

Гедеонов показал славянское происхождение тех слов, которые норманисты выводили из скандинавских языков (например, волхв, вено, гридь, скот, смерд) [4, с. 168–171, 173–175]. Погодин, относивший этот аргумент к одному из основных в своей теории, счел нужным признать, что оппонент ослабил его силу: «...г. Гедеонов доказывает славянское происхождение многих слов... которые мы считали норманскими. Он представляет несколько филологических соображений очень верных и удачных... и однако ж соглашается, например, что “этимологическою основою щеляг и стерляг служат германские: schilling и sterling”. <...> Точно то же можно сказать и о других словах, им пререкаемых. Они принесены нам норманнами, норманны получили их из общего источника» [2, с. 41].

Особое внимание уделил Степан Александрович происхождению имен деятелей древнерусской истории. Он соглашался, что «некоторые из встречающихся в ней неславянских имен, преимущественно в договорах, действительно принадлежат германо-скандинавскому миру и личностям (как другие остальным в ее развитии участвовавшим народностям: литве, угре и т.д.)». Но полагал, что «выводить все варяго-русские имена и личности или хотя большую часть из них из норманского начала... это значит основывать русскую историю не на фактах, не на исторической логике, а на этимологических случайностях и созвучиях» [4, с. 175–177]. Исследователь показал славянскую природу имен, традиционно относимых норманистами к скандинавским [4, с. 184–206; 5, с. 242–266].

Погодин подчеркнул, что «г. Гедеонов рассуждает об именах, в которых норманская школа видела, правда, одно из важнейших доказательств» и согласился, что «он колеблет успешно силу этого доказательства и убеждает поверить» мнению словацкого ученого П. Й. Шафарика (1795–1861), которое привел Степан Александрович: «Шафарик указывает на сходство славянской ономотологии с кельтской и германской как на следствие доисторической связи, бывшей между европейскими народами – аборигенами. Между вендскими племенами и германо-скандинавским миром эта связь возобновилась в историческую эпоху. <...> Это взаимодействие одной народности на другую преимущественно заметно в подробностях германо-славянской ономотологии как особенности, более других подверженной иноземному влиянию. Германские и скандинавские имена переходят к славянам, славянские и германские к норманнам» [4, с. 179–183]. Михаил Петрович признал, что «впоследствии имена употреблялись смешанно, как у норманнов, так и у славян, точно как теперь мы употребляем имена еврейские, греческие, русские» [2, с. 41–42].

В заключение своего разбора Погодин, перечислив некоторые уступки Гедеонова норманизму, сделал вывод: «Итак, разница только в нескольких каплях крови готской или славянской, которые впрочем с незапамятных времен перемешались и постоянно перемешивались». Вместе с тем Михаил Петрович признал: «Но читая исследования г. Гедеонова, удостоверяешься, что между нашими норманнами могло быть много славян, что между всеми балтийскими племенами была искони живая, многосторонняя связь, что норманны и славяне на разных пунктах могли понимать друг друга...» [2, с. 47–48].

Таким образом, работа Гедеонова заставила Погодина еще раз пересмотреть свои взгляды на варяго-русский вопрос и сделать ряд существенных уступок антинорманизму. Прежде всего, он признал

смешанный состав варяжского племени, включив в него наряду с норманнами славян. Историк вынужден был вновь повторить, что не находит в рамках своей теории ответа на вопрос о происхождении имен «русь» и «варяги», и объявить его несущественным. В частности, он заявил о несостоятельности теории, выводящей термин «русь» от названия одной из береговых областей Швеции Рослаген и от именованья финнами населения этой страны «руотси». Также ученый согласился с доводами оппонента против идеи о происхождении слова «варяг» от обозначения готских военных формирований в Византии. Погодин не смог выдвинуть опровержений объяснению Гедеоновым иностранных сведений, используемых норманистами в качестве аргумента своих построений. Под давлением выводов Степана Александровича он отказался от одного из основных доказательств норманизма – утверждения о скандинавской природе имен деятелей древнерусской истории. В свете этих фактов полемика Погодина с Гедеоновым является важным этапом в процессе эволюции взглядов крайнего норманиста Михаила

Петровича на варяго-русский вопрос в сторону уступок оппонентам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Погодин М. П.* Новые ученые предприятия в Петербурге / М. П. Погодин // Русский вестник. Т. 50. – М. : В университетской типографии, 1864. – С. 367–382.
2. *Погодин М. П.* Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси / М. П. Погодин // Приложение к VI тому Записок Академии наук. № 2. – СПб. : В типографии Академии наук, 1864. – С. 1–48.
3. *Гедеонов С. А.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе / С. А. Гедеонов // Приложение к I тому Записок Академии наук. № 3. – СПб. : В типографии Академии наук, 1862. – С. 1–120.
4. *Гедеонов С. А.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе / С. А. Гедеонов // Приложение к II тому Записок Академии наук. № 3. – СПб. : В типографии Академии наук, 1862. – С. 129–206.
5. *Гедеонов С. А.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе / С. А. Гедеонов // Приложение к III тому Записок Академии наук. – СПб. : В типографии Академии наук, 1863. – С. 241–273.

Липецкий государственный педагогический университет

Пашков С. В., аспирант кафедры отечественной истории

E-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

Тел.: 8 (474-61) 2-12-90

Lipetsk State Pedagogical University

Pashkov S. V., Post-graduate Student of the Domestic Political History Department

E-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

Tel.: 8 (474-61) 2-12-90